

Я тебя отпускаю

Ника стояла у окна и смотрела на улицу. Впрочем, улицей это назвать было сложно — окно выходило на узкий канал с мутной водой ярко-болотного цвета. Кстати! А бывает ярко-болотный цвет? Кажется, родные болота были темно-зеленые. А здесь скорее цвет мутного изумруда. Напротив, почти на расстоянии руки, стоял дом. Обычный венецианский дом на сваях, обросших мягкими кольшущимися водорослями. К крыльцу, похожему на маленькую пристань, была привязана небольшая лодчонка с мотором. В окна, закрытые плотными ставнями, подсмотреть, как бы ни хотелось, не получалось. А жаль — с детства Ника любила подглядывать в чужие окна. Лучше всего это удавалось в Дании или Норвегии, где вообще не вешали занавесок — смотри кто хочешь, нам скрывать нечего. Но почему-то заглядывать в окна скандинавов было совсем неинтересно: все одинаково, как под копирку, — простые и однотипные белые кухни «привет из “Икеи”», скучные молочно-

белые, похожие на больничные, светильники. Да здравствует скандинавский минимализм. Слишком просто, слишком удобно и некрасиво, увы.

Ей казалось, что здесь, в этом сказочном и загадочном городе, все должно быть не так. Какой минимализм? Он оскорбителен здесь, в этом месте. Здесь все должно быть совсем по-другому, не так: и мебель, и люстры, и потертые бархатные гардины, пыльные и тяжелые, поди постирай. И старые картины в потускневших тяжелых рамах. И тяжелые хрустальные флаконы с вином, и старые книги в золоченых переплетах. Здесь все — старина. И все — волшебство и загадка. Во-первых, Ника в этом была абсолютно уверена, ну и, во-вторых, фантазировала, конечно. Представляла себе это так: вот-вот, через минуту, с усилием и скрежетом хозяйка откроет проржавевшие от влаги ставни и...

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
Размокшей каменной баранкой
В воде Венеция плыла¹.

И Ника, любопытная Варвара, увидит все именно так, как себе представляла.

Итак, ее любопытному и жадному взору откроется комната. Нет, даже зал! Именно зал,

¹ Б. Пастернак. Венеция.

с высокими, метров в пять, потолками, с тяжелой и длинной, разноцветной люстрой муранского стекла на бронзовых могучих цепях, от которой тысячи разноцветных солнечных зайчиков шаловливо разбегутся по мутной воде канала. Да так шустро, что невольно прищурить глаза. Мощный дубовый потертый паркет с инкрустацией — ему тыща лет, а ничего с ним не делается. Увидит и темную, приземистую мебель: пузатые комоды с потускневшими от времени и влаги зазеленевшими бронзовыми кручеными ручками, книжные шкафы с толстыми гранеными стеклами, за которыми плотно стоят пахнущие вечной сыростью старинные фойлианты в золотом тиснении. Откроются взору крепкие, на гнутых ножках, с затейливо вырезанными спинками и потертой атласной обивкой стулья. И обязательно бюро со множеством изящных ящичков для секретных писем и прочих загадочных, не для чужого взора, затейливых мелочей. И, конечно же, стол — овальный, могучий, из тех, что навсегда, на века. А на нем будет лежать кокетливая, чуть пожелтевшая от времени, кружевная скатерка, любовно вытканная руками местных умелиц. И непременно ваза, высокая, конечно же, муранского стекла, с разноцветными, немного подвядшими, анемонами — фиолетовыми, желтыми, лиловы-

ми, розовыми, ярко-красными и нарядными белыми.

Ставни откроет немолодая, растрепанная, зевающая хозяйка в длинном шелковом, с кистями халате. Она машинально поправит растрепавшиеся волосы, снова зевнет и выглянет на улицу. Поморщится при виде мелкого, густо сыплющего, так надоевшего дождя, поежится от привычной сырости, поведет круглым плечом, подтянет кисти халата и, разочарованная, уйдет в глубь квартиры — дела. Там, на темной от копоти кухне, завешанной старыми, тусклыми медными сковородками, она в задумчивости замрет на пару минут у огромной старой плиты с тяжеленными чугунными конфорками. На плите будет стоять древняя, плохо отмытая медная джезва. Да и зачем ее отмывать — на вкус кофе это уж точно не влияет. Вся в своих мыслях, медленно она будет помешивать тусклой серебряной ложечкой в джезве и думать о своем. И, конечно, не углядит, пропустит минуту, и кофе с шипением выплеснется наружу.

Она чертыхнется: «Ну вот, каждый раз так!» И, наплевав на подгоравшую гуцу — потом, все потом, сейчас главное — кофе, — она перельет его в маленькую и очень изящную старую чашечку с витой ручкой и крошечной, почти не-

заметной трещинкой с правого боку и наконец усядется за стол.

Синьора будет медленно пить свой первый утренний кофе, терпкий, черный, без молока, и сладкий аромат его станет витать в темной, не слишком опрятной кухне. Но все это ей не мешает — она привыкла к заброшенности, весь этот город производит впечатление немного заброшенного. И ритуал нетороплив и приятен — и неспешное питье, и кусочек поджаренного в тостере хлеба, намазанного клубничным вареньем, и небольшой кусок пармезана — все это примирит ее с сыростью, влажностью и мелким дождем за окном. Ну и с одиночеством — и к нему она тоже привыкла.

Ника улыбнулась, прокрутив эту картинку в своей голове, и поежилась: голые ступни здорово замерзли — каменный пол был холодным — зима, и в номере было холодно. Нет, отопление имелось — низкая и узкая полоска еле теплой батареи стыдливо пряталась за занавеской.

«В душ, — подумала Ника, — замерзла. Не дай бог, разболеюсь. Вот это уж точно будет катастрофа!» И она пошла в ванную, на всю мощь врубила горячую воду и долго, с полчаса, не вылезала, точнее, не решалась вылезти. В большой ванной с окном тоже было прохладно.

Минут через десять все-таки собралась с духом и заставила себя вылезти из-под горячей струи, быстро обтерлась огромным тяжелым полотенцем и встала у длинного и узкого, висящего не над раковиной, как везде было принято, а сбоку, у окна, старого, мутного от пара зеркала. Протерев его ладонью, внимательно посмотрела на себя. Разглядывала себя долго, поворачивалась и так, и эдак. Вытягивала трубочкой губы, делала страшный оскал и смешные гримасы. Потом вздохнула: «Ну что я пытаюсь тут разглядеть, что увидеть? Что появились новые морщины? Но это нормально. В конце концов, тридцать семь, так что все логично».

Ника высушила роскошные и густые волосы, ее гордость и предмет зависти подруг. Правда, как всегда, не до конца, на это ей не хватало терпения. Там, в глубине, в «зарослях», они оставались чуть влажными. Намазала лицо кремом, брызнула совсем чуть-чуть духами, надела гостиничный белый махровый халат и вышла.

Илья спал на спине, широко раскинув руки — красивые, сильные, мускулистые, смуглые, с тонкими, но сильными пальцами. Его руки всегда Нику завораживали. Как, впрочем, и все остальное. «Любовь в глазах смотрящего, — вздыхала мама, — но слишком уж ты в восторге. Пора чуть-чуть приоткрыть глаза». Вос-

торг на восьмой год знакомства маме казался слегка неуместным, и ее можно было понять — долголетняя и, скорее всего, безнадежная связь с глубоко женатым человеком. Чему уж тут радоваться?

Да, маму можно понять. Но и Нику тоже. Все это называлось любовью. Простое объяснение, куда уж проще. Но этим, как ей казалось, все и оправдано.

Ника смотрела на любимого и размышляла — лечь рядом? Или не тревожить? Илья всегда вставал тяжело, с долгим кряхтением, с недовольным лицом и в отвратительном настроении. Сова, что поделать. И только в отпуске позволял себе дрыхнуть как сурок.

Ника как раз была жаворонком, вставала легко, без сожаления выныривала из снов, приятных и не очень, и тут же приходила в себя. Даже в отпуске в постели не застревала — какое? Когда ждут море и солнце, незнакомая страна и неизвестный пока город? Как можно терять драгоценное время? Она сразу же выходила на балкон, вставала на цыпочки и сладко потягивалась — красота! И тут же начинала любить весь мир. Илья говорил, что она счастливая. Ника, кстати, не возражала.

В отпуск они всегда ездили вместе. Ну или почти всегда, бывало по-всякому.

После душа Ника согрелась, надела тапки и снова подошла к окну — дождь прекратился, но по-прежнему было серо и пасмурно. А в квартире напротив, в которую ей так хотелось подглядеть, уже открыли ставни. «Эх, пропустила, — вздохнула Ника, — опять пропустила! Два дня караулю — и на тебе, снова». Да и разглядеть что-либо в темной квартире было невозможно. Ника снова вздохнула и услышала голос Ильи:

— Ну что, бессонная моя? Давно бодрствуешь?

Она обернулась с улыбкой:

— Давно. С час определленно.

Илья широко, смачно, со вздохом зевнул и приподнялся на подушке. Пошарил рукой на тумбочке в поисках очков и, нацепив их, стал внимательно разглядывать ее, словно впервые видел.

— Иди сюда, малыш! — Он похлопал по кровати.

С минуту Ника раздумывала, потом вздохнула и жалостливо пропела:

— Ну-у... А завтрак? Мы его почти пропустили. Еще полчаса — и все!

Илья усмехнулся:

— Боишься остаться голодной? Ну ты обжора известная! — Он глянул на часы. — Да и смысла уже нет. Завтраки здесь паршивые, и все

наверняка уже подмели. Иди сюда, а потом, — он снова широко зевнул, — пойдем завтракать в нормальное место. Ну или уже обедать, как получится, — рассмеялся Илья. — Иди, ну! Иди!

И Ника послушно легла рядом с ним.

Однажды Илья ей сказал:

— Знаешь, что в тебе замечательно? Ну, кроме всего остального? Твои кротость, уступчивость. Умная такая покорность. Ты не споришь по пустякам, не лезешь в бутылку. Ты... — Он задумался. — Ты человек неконфликтный. А это, знаешь ли, приятно любому мужчине.

«Понятно, — подумала Ника, — значит, его жена скандальная тетка. Спорит по любому поводу. Ну и прекрасно. Вот здесь у нас точно будет по-другому». Она и вправду была неконфликтным человеком. Но здесь решила оглядываться. Тогда еще были большие надежды на то, что он разведется и уйдет из семьи. Но не случилось. Со временем острое чувство обиды и несправедливости отступило, и Ника почти смирилась. Конечно, была долгая и трудная работа над собой. Убеждала себя, что официальный брак и совместное проживание, так же, как и общее хозяйство, вещи не главные, главное — любовь. В это она верила свято. Любовь, взаимопонимание и ощущение своего человека. А это у них точно было.

Ника осторожно прилегла рядом. Илья обнял ее. И в эти минуты все разумные доводы катились в тартарары. Да и какие доводы, господа! Разумных доводов давно не было — оставались одни неразумные.

После, когда Илья откинулся на подушке, положив руки за голову, а Ника пристроилась у него на плече, он спросил:

— Ну что? От голода еще не помираешь?

— Помираю. Вопрос риторический или ты готов к подвигам?

Он притворно вздохнул:

— Готов. А куда мне деваться?

Пока Ника приводила в порядок волосы, которыми Илья всегда любовался, пока красила глаза и губы — чуть-чуть, слегка, Илья все еще лежал в постели, и было понятно, что вставать ему по-прежнему не хочется.

Ника обернулась:

— Ну и что дальше? Будем лежать?

Илья нехотя потянулся и сел на кровати.

— Эх, с каким удовольствием я бы сейчас поспал!

И тут Ника разозлилась: господа, да сколько же можно! За окном Венеция, лучший город на свете. Город ее мечты и сладких снов. А Илья? Нет, Ника все понимала — он был здесь не раз. Кажется, два или три. Но какая разница? Тогда

он был не с ней. С кем — уточнять не стоит, скорее всего, с женой. Но сейчас они вместе! Он и она! Как можно сравнивать?

Ника резко встала с пуфика, обтянутого когда-то синим, а теперь белесым бархатом, и пошла одеваться.

Илья громко вздохнул и стал неспешно натягивать джинсы. По природе своей он был довольно медлительным, неспешным — даже странно, как ему удавалось существовать в большом бизнесе, в вечной спешке, переговорах, командировках и бесконечных деловых ужинах. По природе Илья был сибаритом, любителем тишины. А вот Ника — ловкой, стремительной. Всегда торопилась и всегда боялась опоздать. Лежать на диване, когда можно куда-то мчаться: в театр, на выставку, в гости, в кафе? Ей все хотелось успеть. А вот успешной она не стала — так, середнячок, рядовой сотрудник, хороший исполнитель.

— Жду тебя, — коротко бросила Ника и, пытаясь скрыть раздражение, вышла в коридор.

Надо остыть, чтобы не испортить поездку. «В конце концов, — принялась уговаривать себя она, — у нас еще целых пять дней, все наладится. Все наладится, да. И эту поездку Илюша устроил ради меня. Ему сюда не хотелось. Зима,